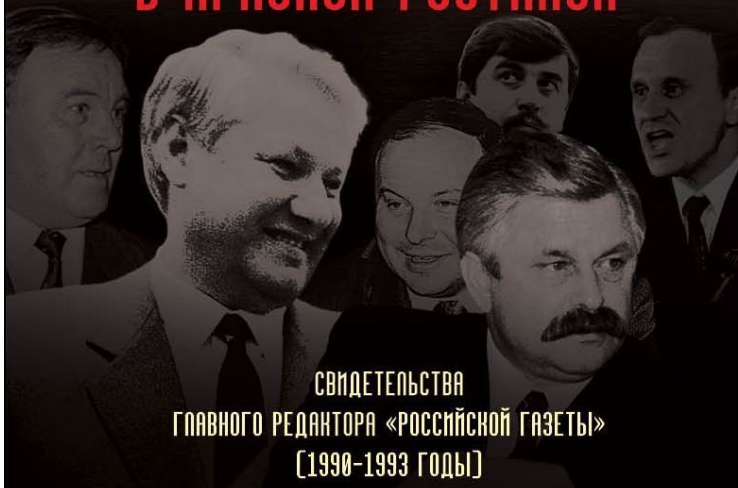

ВАЛЕНТИН ПОГУНОВ

БЕСЫ

В КРАСНОЙ ГОСТИНОЙ

СВИДЕТЕЛЬСТВА
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА «РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ»
[1990-1993 ГОДЫ]

Валентин Андреевич Логунов

Бесы в красной гостиной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43645244

Бесы в красной гостиной. Свидетельства главного редактора

«Российской газеты» (1990-1993 годы):

ISBN 978-5-907149-90-8

Аннотация

Опыт жизни первых трех лет «обновленной России» (1990–1993 гг.) нуждается в непредвзятом осмыслении в самом широком плане, ибо новое поколение уже заняло место продолжателей тех, кто явился творцами и участниками исторических событий, круто развернувших корабль под названием «Россия». Молодое поколение пришло на поле, вспахали и засеяли которое их отцы. Но что именно посеяли, попали ли в землю вместе со злаками сорняки, какой урожай можно ожидать? – Это крайне важно знать, а узнать можно только получив ответы на заданные вопросы. Автор Валентин Андреевич Логунов – известный журналист и политик начала 1990-х гг., избирался народным депутатом СССР, входил в Межрегиональную депутатскую группу, двинувшую в большую политику Бориса Ельцина, работал замминистра печати РСФСР; в 1990 г. возглавил «Российскую газету», а в октябре 1993-го был освобожден от должности председателем правительства В. Черномырдиным с формулировкой «за противодействие указу

президента № 1400 (расстрел парламента)». О тех непростых временах начала демократических преобразований в России, на которых зиждется современное общество, эта книга.

Содержание

Часть первая	6
Так сложились карты	6
Безголосая Россия	10
Как «химичила» партия	16
Нулевой номер	19
Отступление. Как узнал, что я редактор	21
Эти славные дни	27
И не надо десять курьеров	32
Хроника. Первые авторы	38
Плюрализм в одной голове – шизофрения?	40
Мытарства газеты	44
Цитата. Меморандум хутора Репяховка	49
Тиражи уходят в... тираж	50
Хроника. Тиражи и имена	52
Дуэль газет	55
Цитата. О страданиях юной «Комсомолки»	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Валентин Логунов
Бесы в красной гостиной
Свидетельства
главного редактора
«Российской газеты»
(1990–1993 годы)

© Логунов В.А., 2019

© ООО «Издательство Родина», 2019

Часть первая

Три первых года одной газеты

Так сложились карты

Какой же дивный день выдался пятого октября 1993 года! Словно запамятовало солнышко о поздней поре, о том, что накануне уже попрощалось со слезами на небесных глазах с Москвой, и теперь, в забывчивости своей, глянуло на улицы, на тополя, клены, березы, и, глянув, само удивилось осенней красоте. Золотые листья не торопились расстаться с кроной, молили хотя бы еще на денек-другой продлить им жизнь. Лишь отдельные разочаровавшиеся, то ли уставшие от дождей, то ли отравленные сгоревшим бензином и потому обреченные, медленно, словно парашюты, падали на землю, тротуары, украшая их и облагораживая.

Стояла тишина, неожиданная после вчерашней стрельбы российских танков по российскому парламенту – Верховному совету. Вчера из окон «Белого дома» валил черный дым, слышались женский крик и мат мужчин, а теперь – тишина; и веяло от нее теплом, благостью и умиротворением, будто не случилась великая русская трагедия, не пролилась кровь, не перевернулась жизнь миллионов и миллионов людей.

Мы с моим первым заместителем, ответственным секретарем редакции «Российской газеты» Александром Куприяновым, вышли на улицу и, кажется, не совсем понимали, что с нами только что случилось. А между тем нас полчаса назад выгнали из редакции газеты, которую создавали с первых колышек.

Нас выгнали, а нам было весело!

...Как-то уж очень театрально, стремительно, в длинном темном плаще с распахнутыми полами и в сопровождении двух молодых накачанных охранников, заимствованных у вице-премьера Полторанина, вошла в кабинет Наталья Полежаева и объявила, что она назначена главным редактором газеты, и мне отпущено двадцать минут на сборы. Через двадцать минут она займет кабинет главного редактора. Лицо ее было в красных пятнах. Волновалась, конечно. «Наташа, – сказал, – разумеется, я уйду, но скажите, зачем он взвалил на женские плечи такую ношу? Ведь вас тут никто не ждет». Она посмотрела на часы и повторила: «Двадцать минут».

С Наталией Полежаевой проработал года два в «Московской правде»: я заместитель редактора, она – редактор отдела строительства. По тогдашним правилам отделы курировали заместители редактора; мне достался как раз отдел строительства. Не помню ни взлетов, ни падений в ее журналистском творчестве. Да и своего кураторства не помню. Скорее всего, была она просто «рабочей лошадкой», без которых, кстати, не может существовать любая газета, требую-

щая ежедневно строчки, строчки, строчки...

Я и впрямь был удивлен, что вице-премьер, министр печати и средств массовой информации России Михаил Полторанин остановился на кандидатуре Полежаевой. Неожиданный выбор. И только позднее узнал: он перебрал десятков кандидатур на место главного редактора, но все отказались; кто-то не захотел связываться с «подстреленной» газетой, кто-то посчитал неприличным идти на «живое» место. Народный депутат СССР, журналистка из Украины Алла Ярошинская позднее расскажет, как сватал ее тогда Полторанин, и почему она отказалась. Во-первых, объясняла она министру свой отказ, это наш коллега, и я не хочу идти на «живое место», а, во-вторых, отстранение его от работы нарушает наш закон, соавторами которого мы с вами, Михаил Никифорович, являемся.

А ведь был нормальный вариант замены главного редактора. Накануне мои заместители побывали с визитом у Полторанина, которого проинформировали о моей добровольной отставке, но с условием, что они сами вместе с журналистским коллективом предложат (кстати, в полном соответствии с уставом редакции) кандидата на должность главного редактора. Тут же, впрочем, и предложили: Александр Куприянов. И Полторанин одобрил этот вариант. Одобрить-то одобрил, но на другой день заслал Полежаеву с вооруженной охраной. Куприянов и по сей день шутит: я целую ночь пробыл главным редактором «Российской газеты».

...Итак, мы вышли с Куприяновым из холла; навстречу по лестнице поднимался некий Лев Шемаев в окружении десятка мужчин, одетых в казачью форму. Они приехали на автобусе и прибыли, видно, наводить порядок.

Кому сейчас за пятьдесят, могут вспомнить этого красавца, энергичного организатора митингов и шествий. Он экзотически выглядел в первой шеренге митингующих: оливковое лицо обрамлено серебристой с синеватым отливом седной; особенно выдавалась борода, весьма напоминавшая бороду Карла Маркса, о которой Герберт Уэллс заметил, что ее роскошное состояние свидетельствуют об одном: хозяин прилежно, часами, за ней ухаживает. Глаза Льва во время шествия по площадям сияли светом, который излучают страстные натуры в минуты восторга, высочайшего вдохновения и оргазма.

– Что, Лев, – спросил его, – прибыл арестовывать меня?

Шемаев не то чтобы растерялся, но, кажется, немного смутился:

– Что ж, так карты выпали.

Он в нерешительности остановился на лестнице. Похоже, и, правда, привел казаков гнать меня и журналистов в шею из редакции. Но опоздал. И теперь не знал, что делать. Деталь: Лев Шемаев весной 1989 года, во время выборов народных депутатов СССР, был моим доверенным лицом в Кунцевском избирательном округе Москвы. Этой же чести (язвлю, разумеется) был удостоен тогда и Михаил Полторанин.

Безголосая Россия

В пятидесятые-восемидесятые годы советские люди любили разгадывать ребус: кто станет очередным генсеком, кого судьба вынесет наверх, кто займет место того-то, кого переведут туда-то. Ориентировались в основном на то, кто, где и с кем рядом стоит. («Отрыжка» того времени уже при Ельцине: при очередной смене председателя правительства, посмотрев на собравшихся членов правительства, Борис Николаевич сказал: «Не так сели!». То есть не по ранжиру.)

Влиять на выбор власти рядовой советский гражданин никак не мог, ибо вся власть была сосредоточена в коммунистической партии.

Впрочем, и партийцы были лишены права прямого выбора. Внутри партии действовал изощренный устав-регламент, который исключал участие рядовых членов партии в прямых выборах лидера. Генсека избирал съезд партии, делегатов же съезда избирали республиканские съезды, краевые и областные конференции, а делегатов этих съездов и конференций избирали делегаты городских, районных конференций, и только их, делегатов городских и районных конференций, избирали члены партии на собраниях первичных организаций. Да и на этом этапе, как правило, голосовали не за человека из своих рядов, а за рекомендованного райкомом партии.

В общем, «все было схвачено», никакие нынешние фильтры не сравнятся с прежним фильтром. Граждане игру понимали, приучились видеть мираж вместо реальности, и политическая их активность проявлялась лишь в угадывании «Кто? Кого? Куда?».

Но если представить, что члены партии имели бы возможность голосовать за генсека напрямую, а не опосредованно, все равно ни о какой демократии не могло идти речи. Ведь членов партии насчитывалось около двадцати миллионов, а граждан-избирателей – в полтора десятка раз больше. И они не участвовали в выборе руководителя страны: ни прямо, ни косвенно. Никак.

В связи с этим маленькое отступление. Летом 1971 года Чита, где я в то время жил и работал, наполнилась слухами: Воронова Геннадия Ивановича убрали с поста председателя Совета министров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР). Забайкальцев эта новость заинтересовала потому, что Воронов с 1948 по 1955 год был первым секретарем Читинского обкома партии. Узнали, что смещению Воронова посодействовали первый секретарь Центрального комитета партии Украины Петр Шелест и первый секретарь компартии Грузии Василий Мжаванадзе. На одном из совещаний у Брежнева, где речь шла об экономическом развитии страны и распределении финансовых и материальных ресурсов, и где каждая республика тянула одеяло на себя, Воронов, не согласившись с

предложенным бюджетом, ущемляющим интересы РСФСР, едко заметил: «Пора Россию поднимать до уровня национальных окраин». Некоторые «окраины» поморщились, но промолчали, а Шелест и Мжаванадзе пошли на Воронова штурмом: ставится под угрозу национальное единство, братство, и вообще, произнесены неправильные, идеологически вредные слова...

Брежнев снял Воронова с поста председателя правительства РСФСР. Правда, тут же назначил его председателем Комитета народного контроля страны. После чего народный контроль проявил активность в расследовании обстановки в Грузии и на Украине, и через год Мжаванадзе потерял должность (правил Грузией с 1953 по 1972 год). Причина – покрывание «цеховиков» (позднее их назовут «новыми русскими»). Тогда же убрали и Шелеста.

Зачем я вспомнил события давно минувших лет, на первый взгляд не относящиеся к теме? А только затем, чтобы напомнить: и в большом, и в малом Россия была ущемлена, являлась для центра некоей «золушкой». Те же коммунисты России хотя и втихую, но все же нудили: на Украине свой, республиканский комитет партии, в Белоруссии, Казахстане, во всех союзных республиках – свой, а в России нет. Разумеется, они понимали, что создание российского комитета партии неизбежно привело бы к двоевластию, однако на всякий случай ворчали. Мы, российские журналисты, тоже были в обиде: есть «Украинская правда», есть у всех свои «правды»,

а «Российской правды» нет; и это несправедливо.

Ответом на тихое ворчание стало решение ЦК КПСС об издании с 1956 года газеты «Советская Россия», которая, тем не менее, стала органом все того же ЦК КПСС, а в придачу – президиума Верховного совета РСФСР и российского правительства. Два последних учредителя, разумеется, оказывали на газету минимальное влияние.

Отсутствие собственных средств массовой информации, конечно же, не устраивало новую центральную российскую власть. Сначала Борис Ельцин и Руслан Хасбулатов предприняли попытку взять под свое крыло «Советскую Россию». Михаил Горбачев не сопротивлялся, однако коллектив редакции решительно отказался идти под руку российского парламента и правительства. Дело там дошло до раскола, в результате которого группа журналистов ушла из редакции.

На съездах народных депутатов РСФСР с 1990 года вопрос о создании российских средств массовой информации возникал с частой периодичностью и настойчивостью. Ельцин был особенно озабочен этой проблемой. В те годы ему крепко доставалось от центральных газет и телевидения, попытки пообщаться с телезрителями решительно и грубо блокировались. Партийные газеты изобиловали критическими заметками в адрес российской власти, разного рода репликами, шпильками. Конечно, такое отношение к председателю Верховного совета, а затем и президенту России воспринималось болезненно. Ельцин просил Руслана Хасбулатова как

можно скорее создать свою, республиканскую газету. Хасбулатов заседал на министра Полторанина и одновременно пытался решить проблему самостоятельно, каким-то кружным путем.

Вместе с Полтораниным, пользуясь «корочками» народных депутатов СССР, мы много раз обивали пороги в Центральном комитете КПСС, пока не было принято решение об издании двух газет – «Российская газета» и «Российские вести». Первая – издание Верховного совета РСФСР, вторая – издание правительства РСФСР. В эти же дни усилиями Хасбулатова зарегистрирована газета «Россия» как издание Президиума Верховного совета РСФСР (по аналогии с «Известиями», издателем которой был Президиум Верховного совета СССР).

Не стану преувеличивать наши с Полтораниным усилия в открытии российских газет. Времена, когда без решения Секретариата ЦК КПСС невозможно было начать издание даже заводской многотиражки, остались позади. Партия ослабла, приотпустила вожжи и уже не способна была противостоять напору гражданского общества. Но, что существенно, продолжала владеть – и владеть законно – типографиями, без допуска к которым выпуск российских газет был невозможен. Тогда все типографии и издательства (за исключением маломощных профсоюзных) являлись собственностью партии.

Еще одно короткое отступление... В советское время сту-

денты факультетов журналистики чуть ли не наизусть знали работу В.И.Ленина «Партийная организация и партийная литература». Умная и логически безупречная статья. В ней автор обосновал зависимость партийной печати от партийной организации. Проще сказать: партийная газета печатает на своих страницах только то, что позволяет партийный комитет, органом которого она является. Обращу внимание: речь шла исключительно о партийной литературе. Но затем усилиями партийных идеологов сталинско-сусловского призыва акценты были сознательно смещены, и в итоге вся литература вдруг стала партийной. Без партийной цензуры не могла выйти и кулинарная книга.

Одновременно в советские годы были вложены огромные средства в развитие издательского производства: строились типографии, комбинаты, способные ежедневно выпускать сотни миллионов экземпляров газет и журналов. И партия стала собственником чуть ли не всех новых типографий и комбинатов, где производилось более 90 процентов периодической печатной продукции. Огромные доходы потекли в партийную кассу, взносы коммунистов в сравнении с ними – крохи.

Как «химичила» партия

Что, однако, произошло с газетами, почему все так резко подорожало? Не знакомый с издательской сферой человек и представить себе не может, какие способы использовала партия, чтобы извлекать из отрасли огромные доходы. Что там взносы? Копейки! Все типографии, за исключением немногих профсоюзных и советских, принадлежали партии. Это была их собственность. Ни госплан, ни Минфин, ни правительство не имели к ним никакого отношения. И, надо сказать, партия успешно развивала эту отрасль: в республиках, краях, областях были построены десятки полиграфических комплексов, которые печатали не только партийные газеты, но и книги, журналы, формально не относящиеся к партийным изданиям. Однако все доходы и прибыль шли в партийную кассу.

Займемся арифметикой. «Известия» имели 12-миллионный тираж, «Правда» (как ни старался ЦК партии увеличить ее тираж) – 9 миллионов, «Труд» – 30 миллионов. Газеты стоили тогда две-три копейки. Себестоимость на самом деле раз в десять выше, но партия, озабоченная политическим и духовным воспитанием советских людей, конечно же, не могла допустить удорожания идеологической пищи. Выход отыскала простой, но эффективный: во-первых, все бумажные комбинаты перевели в разряд планово убыточных пред-

приятий и заставили их поставлять издательствам тонну бумаги за ...30 рублей (а стоила она все 150); во-вторых, приказали министерству связи брать за доставку экземпляра газеты полкопейки.

Колоссальные убытки почтовиков и бумажных комбинатов покрывались не из партийной, а из государственной казны. Так партия изящно залезала в государственный бюджет. И получала огромный барыш. Умножьте 10 рублей (столько стоила годовая подписка) на 12 миллионов тиража и получите 120 миллионов рублей дохода. Расходы же по изданию мизерные. А ведь общие тиражи газет, включая областные партийные газеты, исчислялись сотнями миллионов экземпляров. Доходами от издательской деятельности кормились частично и центральные органы профсоюзов (от «Труда»), некоторые творческие союзы (например, «Литературная газета»).

Не говорю, что это плохо. Идеологическая пища должна быть дешевой. Но в начале 90-х годов прежняя система идеологической подкормки рухнула. Почтовики не соглашались за полкопейки доставлять газету из Москвы на Чукотку, бумажные комбинаты отгружали бумагу тем, кто платил за нее в десять раз дороже, чем прежде, типографиям прежних денег хватало на одну лишь краску. А читатель, еще вчера платя за годовую подписку десять рублей, не пожелал покупать газету за сто рублей. Впрочем, он, может быть, и купил бы, да не на что стало купить.

«Российская газета», как и другие, тоже дорожала – с двух до десяти копеек за экземпляр. И тем не менее, спрос на нее возрастал. В номере за 19 февраля опубликован опрос читателей и киоскеров нашими собкорами: есть ли интерес к газете? Ленинград: «Читатели города увидели "Российскую" впервые только 30 января 1991 года. Поступили сразу номера с 22 по 25 января. Раскупали последний номер; остальные возвращены на склад. Из 700 киосков «Российская» поступает в десяток, причем трехдневной давности». Новгород: «На сто союзпечатевских точек города и области поступает всего тысяча экземпляров. Во всех киосках, куда обращался наш собкор, он получал один и тот же ответ: «Российской» уже нет». Волгоград: «В субботу инженер Юрий Гаврилов купил газету за четверг. Объяснил: «Хочется знать о деятельности руководства России из первых рук». В киоске № 15 подтвердили, что газета разошлась мгновенно. «Место у меня бойкое, – сказала киоскер Л.Мельникова, – а привозят лишь 50 экземпляров. Целый день только и отвечаешь: "Российской" уже нет». Нижний Новгород: «Газета поступает с большим опозданием, поэтому на весь полуторамиллионный город заказывают всего пять тысяч экземпляров. Капля в море. Расходится без проблем».

Нулевой номер

Как сегодня готовят издание газеты? Учредитель (хозяин) подыскивает главного редактора, обозначает сроки готовности продукта, называет сумму расходов на содержание. Редактор формирует творческую группу. Группа разрабатывает тематику газеты, определяет ее направленность, придумывает рубрики, выбирает основные жанры. В соответствии с тематикой и направленностью (идеологией) создают отделы, идет подбор журналистов. На все это уходит минимум месяца три, а если хозяин газеты не сведущ в этом специфическом производстве, то можно потянуть и год.

«Российская газета» зарегистрирована в конце октября 1990 года, пробный (нулевой) номер вышел 1 ноября. Подготовила его группа журналистов под руководством помощника министра печати Бориса Миронова. Помимо него в подготовке четырехполосного номера участвовали Андрей Жданкин, Вячеслав Долганов, Ирина Веретенникова, Сергей Байгаров. Никаких дизайнеров, никаких трех месяцев и предварительно обдуманных рубрик, никаких зарплат и никаких кабинетов. Номер делали «на коленях», подобно тому, как прежде делали стенную газету. Напечатан он была ограниченным тиражом, исключительно для глаз власти.

Помнится, Полторанин попросил меня (я был тогда заместителем министра) посмотреть, «что они там сочиняют».

Увидел я уже отпечатанную газету часов в двенадцать ночи. Раздобыл бутылку вермута, кусок колбасы. Ребята счастливые, и так и этак вертят свое создание, насмотреться не могут. Поздравил, выпили, зажевали.

...А через три дня меня разжаловали из заместителя министра и назначили главным редактором «Российской газеты».

Отступление. Как узнал, что я редактор

Министр печати и средств массовой информации России Михаил Полторанин в министерстве был редким гостем. А когда появлялся, то непременно в окружении дюжины телевизионных камер. Телевизионщики за ним гонялись. Во-первых, Михаил Никифорович прослыл чуть ли не первым другом Бориса Николаевича Ельцина, а стало быть, считали коллеги, человек он информированный, определяющий политику новых российских властей. Во-вторых, и говорил он в многочисленных интервью смачно, образно, «эсклюзивно», что любит наш брат-журналист.

В один из таких дней, в самом начале ноября 1990 года, я отловил-таки его на рабочем месте. Внутренних дел во вновь созданном министерстве – уйма. Оно было создано на базе республиканского Госкомиздата, функции которого ограничивались книгоизданием. Назначение же нового министерства было совершенно другим: организация условий для развития свободных средств массовой информации – газет, журналов, телеканалов, радио. То есть министерство, по сути дела, явочным порядком перехватило функции, которые много десятков лет выполняли партийные комитеты разного уровня. Мы активно, «пачками» регистрировали ежедневно различные газеты, не интересуясь тем, кто их учре-

дители, на что они собираются существовать, где будут размещаться. Одновременно проходила перерегистрация старых изданий, пожелавших перейти под крыло российского (не союзного) законодательства. В общем, во всем царил хаос. По коридору министерства бегали неизвестные люди, в кабинетах рыдали увольняемые в связи с ликвидацией Госкомиздата женщины, на белую нитку формировались новые управления и отделы министерства.

Министра эти и подобные им проблемы и вопросы мало интересовали. Но меня, заместителя министра, оказавшегося «на хозяйстве», они не могли обойти стороной. Особенно тяжелыми были разговоры со специалистами (в основном женщинами), которые никак не вписывались в новую структуру министерства и подлежали сокращению.

Так вот, в тот день с какими-то вопросами я зашел в кабинет Полторанина. Кабинет огромный, метров семьдесят-восемьдесят, окон, наверное, пять. Около одного стоял министр, у другого – Борис Миронов, человек, знакомый мне еще с забайкальских времен. Стояли молча, глядя на прилегающий к зданию малюсенький скверик. Я попытался составить:

– Такое впечатление, что у вас не удалась ночь.

Они не сразу ответили. Затем Полторанин со вздохом сказал:

– Бориса не утвердили главным редактором «Российской». – Помолчав, объявил. – Тебя утвердили.

А я и не знал, что он именно сегодня поведет кандидата на утверждение в президиум Верховного совета. Хотя накануне и советовал Борису: не торопись, выпусти номеров пять-десять, после и утверждайся. Там ведь бешеные депутаты, реагируют на все советское, как бык на красную тряпку (Миронов пришел в помощники министра из ненавидимого российскими депутатами «рыжковского» Совета министров, перед этим окончил «красную» Академию общественных наук). Вылезут, говорю ему, на трибуну с претензиями, а им в ответ: человек уже приступил к делу, у кого есть замечания по существу? Но Борис совета не принял.

Впрочем, до подобных разбирательств – кто есть кто – на этот раз дело, как оказалось, не дошло. Оказывается, его кандидатуру сходу отмел Хасбулатов. Причина? Она соответствовала тому растрепанному времени. Оказывается, ранее, при регистрации газеты вышел спор по поводу ее названия; Хасбулатов настаивал на логотипе «Республика», Миронов предлагал название «Российская газета». Скорее всего, спор был бы забыт, но Миронов написал Ельцину ... жалобу на Хасбулатова. Начальство, дескать, покушается на свободу печати. Глупость, конечно. С какой стати учредитель не имеет права поучаствовать в выборе названия своего издания? Почему на это имеет право лишь предполагаемый редактор? Вот эта мелочь и сыграла свою роль. «Мы еще дня с ним не поработали, а он на меня уже жалуется», – сказал Хасбулатов. И к Полторанину: «Какие еще есть предложе-

ния?». Полторанин назвал: Логунов.

Меня это не то что обидело, скорее, удивило. Ни в какие времена (разве только в сталинские?) не назначали человека на новую работу, не спросив его мнения. А тут, как говорится, раз и на матрац. Мелькнула мысль: может, не устраиваю министра в качестве зама? Однако ответил: «Что ж, партия сказала "Надо", комсомол ответил "Есть!"».

Пикантность ситуации заключается и в том, что Миронов почему-то предположил, будто решение Хасбулатова инспирировал я. Ума не приложу, с чего это он взял. В то время я не был лично знаком с Хасбулатовым. На совещаниях, которые он устраивал, бывал в качестве заместителя министра, но лично представлен не был. Миронов, видимо, так был обескуражен случившимся, что уже не контролировал себя. Мне постоянно звонили газетчики, телевизионщики, просили дать объяснения по поводу «облома», намекали, очевидно, со слов Бориса Миронова, на мою роль в этом. Активно добивался встречи приятель Миронова, сотрудник «Комсомольской правды»; я наконец согласился, но с условием, что на встречу придет и Миронов. Встреча состоялась. Я искренне хотел выяснить у Миронова его претензии ко мне; он краснел, терялся...

А ведь Бориса Миронова я знал с его семнадцати лет. В 1968 году мне довелось открывать новую газету – «Забайкальскую магистраль» для железнодорожников Забайкальской железной дороги. Позвонил редактор районной газе-

ты из Могочи (станция на востоке Читинской области, родина Миронова) Анатолий Снегур и предложил кандидатуру на место собкора на Могочином отделении дороги. Спрашиваю: кто такой? Оказывается, парень, который только что окончил среднюю школу. «Ты что, не выпался? – спрашиваю. – Как школьник может стать собкором?» Аргумент Снегура развеселил: а у него отец машинист локомотива. И добавил: больно талантливый парень, я бы взял, но мест нет. Я предложил Миронову перебраться в Читку, выбили для него общежитие. Шефство над ним взял талантливый очеркист Игорь Красиков.

Так Борис вступил на журналистскую тропу. Поработал он в газете немного: призвали в армию, затем обком комсомола, учеба в Москве. Однажды на полгода вернулся в Читку, опять оказался рядом со мной в областной газете «Забайкальский рабочий», в отделе, где я был заведующим. Наконец окончательно перебрался в столицу. Работал в «Правде».

Талантливый, образованный человек, из тех, кого называют вечными оппозиционерами и революционерами, убежденный патриот с ярким националистическим окрасом, он в 90-е годы после разгрома российского парламента успел побывать министром печати и СМИ, но был отстранен Ельциным от должности министра за публичные предостережения о «засилии» евреев. С тех пор занимался политикой, писал и пишет книги, но, судя по его заявлениям, предисловиям к

книгам и многочисленным интервью в интернете, вершиной карьеры считает то, что был «организатором и создателем» «Российской газеты».

Эти славные дни

Ельцин, еще тогда председатель Верховного совета России, при подписании распоряжения о назначении меня главным редактором (позже эта функция перейдет сначала президиуму, а затем самому Верховному совету России) подарил комплимент: приступайте, вы хороший организатор. Не знаю, откуда он почерпнул сведения о моих организаторских способностях. Скорее всего, что-то надо было сказать, приободрить, ну, и сказал то, что пришло на ум. В тот же раз, при мне, он позвонил Ивану Степановичу Силаеву, председателю правительства, и попросил оказать помощь в становлении газеты.

Если бы кому-то пришла мысль вывесить галерею портретов «отцов основателей» «Российской газеты», я в первую очередь предложил бы Ивана Степановича Силаева. Приведу аргументы, почему.

Силаев после звонка Ельцина пригласил меня и влет задал вопрос:

– Что надо?

Я ответил:

– Иван Степанович, все надо. Начиная с помещения и кончая организацией доставки газеты читателям. А в середине этого – журналисты, корректоры, бумага, типография, транспорт, печатные машинки, телефоны, ксероксы, мебель

и, разумеется, деньги. С типографией вроде бы вопрос решен. Она нас не совсем устраивает, но на первых порах сойдет и такая. С бумагой вопрос решается, хотя могут возникнуть проблемы. Вы же знаете, на всю газетную бумагу наложена лапа ЦК. Однако кое-какие резервы есть в нашем министерстве печати.

– Ну, здесь Полторанин у нас. Он-то не подкачает.

– Уверен: не подкачает.

– Журналистов, корректоров, как вы догадываетесь, у меня нет. Это вам решать. Деньги найдем, выделим из резерва. Видимо, надо начать с помещения? Через два дня проведем совещание с министрами и аппаратом, вы тоже поучаствуете.

Через два дня, в субботу или воскресенье, во всяком случае, помню, это был выходной день, совещание состоялось. Мы пришли на него с Полтораниным. Присутствовал урезанный состав министров, в частности, министр сельского хозяйства Геннадий Кулик (что меня поначалу удивило), министр связи Владимир Булгак, работники аппарата. Силаев коротко проинформировал о создании российской газеты, сказал, что министрам, аппарату правительства необходимо оказать необходимую помощь в ее обеспечении всем необходимым. О ходе работы, обратился он ко мне, докладывайте мне лично. В том числе, и о тех, кто будет бездействовать. Не жалейте.

Среди присутствующих возник легкий шумок:

– Иван Степанович, какой разговор... Поможем.

– Когда, с какого месяца газета должна выходить? – вновь обратился он ко мне.

– Через месяц, с периодичностью шесть раз в неделю.

Силаев покачал головой:

– Прямо как во время войны, когда в степи заводы за месяц строили... Но коли надо – значит надо. С размещением редакции вопрос решен. Езжайте, – обратился он к Полторанину и ко мне, – на Волгоградский проспект, посмотрите, подойдет ли. Там сейчас располагается «Россельхозтехника». Башня, семнадцать этажей.

Кулика словно оса ужалила в то самое место. Он выскочил из кресла:

– Как «Россельхозтехника»? Почему «Россельхозтехника»? Перед нами стоят серьезные задачи...

Силаев оборвал его. Заглянув в бумаги, с усмешкой сказал:

– У вас в Москве на каждого работника двадцать два квадратных метра приходится. Мало? Занимайте любые магазины; все равно в них все полки пустые.

Мы с Полтораниным в тот же день поехали на Волгоградский проспект. Был, как я уже сказал, выходной день. Постучались в дверь отдохавшей семнадцатизэтажной башни. Выяснив, что главный начальник «Россельхозтехники» на рабочем месте, и предъявив сторожике депутатские удостоверения, поднялись в кабинет начальника. Представились. На-

чальник очень удивился:

– Как же так можно, мы же эту башню построили на свои деньги, – вздохнул. – А впрочем, чему удивляться; теперь всё можно.

Забегая вперед, замечу, что примерно через год, когда «Российская газета» перебралась в издательство «Пресса» (в прошлом – «Правда»), здание на Волгоградском путем различных ухищрений перешло в частные руки. Я попытался тогда предотвратить воровство, обращался в Верховный совет, но и это не помогло. Уже тогда вылезли вперед энергичные ухватистые люди. Они быстро примечали, что ближе и неприкаянно лежит. Кстати, к башне примыкал еще и приличный клуб с конференц-залом. С покойным теперь актером Роландом Быковым, которому я его показал, мы собирались открыть в нем киноклуб для детей. Не успели.

«Российская газета» заняла в башне сначала пять этажей, а с приростом сотрудников добавили еще два. Мне особенно запомнились там жаркие летние дни 1991 года. Мало того, что солнце жгло незащищенные шторами кабинеты, так еще от соседа, микояновского завода, по субботам пёрло такое амбре, которое валило с ног. Говорили, что завод по выходным дням что-то делал с костями: то ли сжигал, то ли варил для удобрений. Как-то ко мне на встречу пришел пожилой человек, бывший узник фашистского концлагеря. Побыл недолго. Разволновался до слез, пришлось вызывать доктора и отправлять на редакционной машине домой. Оказалось,

приторно-сладковатый запашок от завода очень напомнил ему концлагерь, где в печах жгли людей.

И не надо десять курьеров

Сегодня главный редактор, загорая на Канарах, балуя себя мороженым или холодным пивом, нажимает на соответствующие кнопки ноутбука, и перед ним на экране – полоса верстаемой любимой газеты. Что-то ему не понравилось, с чем-то он не согласен, что-то вызвало сомнение? Ничего страшного. Он нажимает на другую кнопку, делает поправки, и все они в один миг поступают на верстальный компьютер в Москве.

Так сейчас. А четверть века назад я вынужден был принять в штат десять курьеров, которые с девяти утра до десяти вечера сновали между метро «Волгоградский проспект» и «Баррикадной», рядом с которой находилась типография «Московской правды». Там набиралась и версталась газета. В процессе работы возникали сотни причин вмешаться в содержание и верстку: орфографические и прочие ошибки, сокращение текстов или замена их, досылы новой информации. Не там поставили запятую, приходится править текст, а это значит, что линотиписту нужно перелить металлическую строку, метранпажу вынуть шилом ту, в которой ошибка, и затолкать другую, с исправлением. При этом необходимо выдержать поэтапный график подготовки номера, начиная от объема и времени засыла материалов в набор и кончая подписанием газеты в свет. Подписывали газету в 23 часа.

Шесть дней в неделю в течение всего года я приходил домой в полночь. В воскресные дни отсыпался до обеда.

Первый номер вышел 11 ноября. Тираж и по тем временам запредельный – 80 тысяч. Большая часть тиража пошла под нож, поскольку фактически отсутствовала система доставки газеты в розницу (о подписчиках, разумеется, не было и речи). Назову первые материалы и первых авторов газеты. В 4-м номере опубликован проект Конституции РСФСР. Андрей Жданкин рассказывает о том, что Россия не имеет ни своего флага, ни герба, ни гимна. В 6-м – под шапкой «Сегодня начинает работу второй съезд народных депутатов РСФСР» печатается разнообразная информация. Валентина Пьянкова сообщает, что на границе Псковской области с Латвией установлен первый пункт таможни. Печатает свою первую карикатуру художник Д.Агаев. Из Перми, Челябинска, Свердловска под заголовком «Холодное дыхание топок» будущие наши соборы Ю.Шаталов, Д.Усачев, А.Усольцев сообщают о том, как в регионах подготовились к зиме.

В конце ноября начинал работу II съезд народных депутатов РСФСР. Силаев этим был озабочен: успеете, спрашивал, развернуться к началу съезда так, чтобы обеспечить ежедневный выпуск?

Меня и сейчас, спустя более четверти века, начинает тряссти, когда вспоминаю зимние дни 1990 года. Многое, разумеется, забылось, но остался в памяти общий фон даже не тревоги, а особого напряжения, вызванного отнюдь не стра-

хом не справиться с делом к нужному времени, а спортивным азартом, желанием поскорее подойти к стартовой линии, откуда отправим в жизнь новую, российскую газету.

Я сказал «мы», а кто эти «мы»? От группы Миронова остались трое: Андрей Жданкин, Вячеслав Долганов и Ольга Плахотникова. Ни того, ни другого, ни третью я до этого не знал. Ну, знал – не знал, а в такой обстановке не до изучения биографий; бери, что есть. Но вдруг звонок в министерство (я там еще работал, еще не освободили от должности замминистра. А к тому же как-то нелепо было одному перебраться в пустое семнадцатипятиэтажное здание). Звонил Владислав Александрович Иванов, заместитель главного редактора «Советской России», как раз тот человек, который возглавил группу журналистов этой газеты, пожелавших увести ее под новое руководство России. С собой он привел человек пять. Это уже что-то!

Забавная история произошла с заместителями главного редактора, точнее, с их числом. В практике советских газет существовало правило: главного назначает ЦК, обком, райком, в зависимости от статуса газеты, его заместителей – секретариаты. Следуя данному правилу, я обратился к первому заместителю председателя Верховного совета Руслану Хасбулатову с просьбой включать в повестку президиума Верховного совета вопросы о назначении заместителей. «Давайте так, – ответил он, подумав, – решайте пока сами, а через год возвратимся к вашему предложению». Одновре-

менно мне было предоставлено право определять структуру редакции и ее штат. С заместителями же вышло так: пришел упомянутый Иванов, заместитель главного в «Советской России», естественно, и в «Российской» получает тот же статус. Приходит Виталий Коваленко, заместитель главного в «Социалистической индустрии», – и его в заместители. Приходит из «Комсомолки» Марина Чередниченко, известная очеркистка, – туда же. Приходит Ирина Ханхасаева, заместитель главного в «Учительской газете», – и ей кабинет заместителя. По протекции давнего друга и коллеги пришел в газету кандидат исторических наук, бывший секретарь посольства СССР в Югославии Владимир Кузнечевский, к журналистке, увы, не имевший отношения.

Правда, я поставил перед всеми заместителями условие: приходишь сам – приведи с собой пяток сотрудников, с которыми сам и будешь работать. В связи с этим отделы называли редакциями: политическая, экономическая, социальная, культуры и искусства, международная... Заместители и возглавили эти редакции. По сути дела – редактора отделов, а формально и по зарплате заместители главного.

И такой подход оправдал себя; вскоре – словно прорвало. Чуть ли не каждый день подписывал заявления о приеме на работу. К февралю 1991 года редакция была укомплектована более чем наполовину. «Безлошадными» заместителями, то есть, без редакций и сотрудников, оказались ранее назначенные заместители: Елизавета Леонтьева и Вячеслав Долганов,

что отрицательно сказалось в последующем на их работе и авторитете в коллективе.

В парламенте надо мной посмеивались: у тебя больше заместителей, чем у Ельцина. Так получилось... Коллеги многое сделали для становления газеты и сплочения редакционного коллектива. Работали без конфликтов, дружно. Старались поскорее вывести газету на уровень «главных» изданий страны.

Большую роль в становлении газеты сыграли второй и третий съезды народных депутатов России. Казалось бы, причем тут съезды, но надо иметь в виду, что тогда не было более увлекательного чтения, чем чтение стенограмм съездов депутатов. Стремительно, резко росла конфронтация между союзным и российским руководством. Всего лишь год назад люди наслаждались телевизионными отчетами со съездов народных депутатов СССР, никакой Штирлиц не мог соперничать по увлекательности с выступлениями Попова, Афанасьева, Сахарова, Травкина. На Красной площади собирались толпы людей, чтобы поглазеть, обмолвиться, словом, пожать руку депутатам, выходящим из Большого Кремлевского дворца после заседательского дня. Запомнился один такой эпизод. На заседании съезда я занял место около микрофона, чтобы сделать какое-то заявление. Председательствующий на съезде Горбачев начал искать глазами микрофон, установленный в огромной зале, я подсказал ему: «Я слева». На что Михаил Сергеевич заметил, что по отноше-

нию к нему я справа. Моя реакция: «Михаил Сергеевич, невозможно оказаться правее вас». В зале – смех: уел генсека. И вот выходим на Красную площадь – толпа встречающих. Слышу голос, вроде бы обращенный ко мне: «Левый, левый!». Навстречу устремляется армянин, восхищенно жмет руку: «Левый, левый...».

Но к 1991 году народ резко отвернулся от союзного съезда. Что ж, от любви до ненависти один шаг. Появилась новая развлекала – съезд народных депутатов РСФСР во главе с мучеником Борисом Николаевичем Ельциным. Читали стенограммы российского съезда в захлеб. На журналистском сленге подобные материалы называют «гвоздем номера».

Хроника. Первые авторы

Газета была замечена интеллигенцией и политиками. На ее страницах появились имена председателя правительства Ивана Силаева; заместителя председателя Верховного совета РСФСР Руслана Хасбулатова, академика Алексея Яблокова, известного эколога, Олега Богомолова, академика, экономиста; известного тогда коммуниста-диссидента, руководителя Московской партийной школы профессора Вячеслава Шостоковского, народных депутатов СССР и России Павла Медведева, Рамазана Абдулатипова, Сергея Шахрая, Николая Травкина, Юрия Афанасьева; кинорежиссеров Александра Сокурова, Никиты Михалкова, экономистов Михаила Задорнова, Михаила Делягина. Некоторые из них и теперь на слуху. Активно сотрудничал с газетой все три года большой умница Борис Пугачев, экономист, политолог. Появился на страницах газеты и необычный по тем временам автор – дьякон Андрей Кураев.

15 января 1991 года читателям поступил 8-й номер с начала года и 54-й с начала выхода газеты. Заголовки первой полосы отражали сложнейшее состояние страны и общества: «Литва: и здесь пролилась кровь», «Конец демократии», «Обращение Б.Н.Ельцина», «М.С.Горбачев оценил ситуацию в Литве: «Это – разнузданная реакция на обращение президента»»; «Д.Язов: «Я законов РСФСР не читал и

им не подчиняюсь»»; «Раздавлены танком».

Плюрализм в одной голове – шизофрения?

Интерес читателя к «Российской» был вызван, по-моему, и тем, что она естественным путем стала в те годы, пожалуй, самой демократичной газетой. Предполагаю, что это вызовет у коллег недоумение, а то и удивление, усмешку, но давайте не будем торопиться с выводами. Порассуждаем вообще о таком феномене, каковым является газета, о ее назначении, внутреннем ее мире.

Сошлюсь еще раз на Ленина, его работу «Партийная организация и партийная литература». В ней он со свойственной ему четкостью и ясностью определил степень зависимости издания от ... хозяина. Отстаивая свое право иметь зависимую от него (от его партии) газету, Ленин оперировал тем, что нет и не может быть свободной газеты по определению; она обречена на зависимость, и прежде всего, утверждал он, на зависимость от «денежного мешка».

И разве это не так? Разве вчерашние и нынешние словоблудия о свободной прессе не есть лукавство и несусветная чушь? Где, в каком уголке мира вы найдете свободную газету? Свободное ТВ? Свободную радиостанцию? Повсюду правит «денежный мешок»: кто платит, «тот и танцует де-вушку».

Однажды, в году 1989-м, я оказался гостем городской га-

зеты в Сан-Франциско. Тираж – 700 тысяч, три выпуска в день, 64 и больше полос. Из 64 полос три четверти – реклама. И только 5 процентов доходов редакция извлекала от продажи в рознице, а 95 – давала реклама. Теперь представьте себе, что рекламодатель, недовольный тем, что публикует газета, отворачивается от нее? Полный крах! «Денежные мешки» бывают разные, но суть одна: везде правит капитал. И везде газета исполняет чей-то заказ.

А что в те годы произошло с «Российской газетой»? Она получала средства из бюджета, но оказалась изданием удивительного конгломерата: разношерстного, неустойчивого, сомневающегося в себе и в окружавшем мире парламента. Парламент был разнолик, в нем бродили разные, нередко противоположные течения мысли и представления о том, что надо делать в стране, куда идти дальше. Ни в чем он не был уверен абсолютно, он кипел, страдал и гневался, совершал безумные поступки, принимал стратегические и глупые решения. Таков он был.

И в этих условиях развивалась газета. Ею никто не руководил со стороны, она оказалась частью общего процесса, и ничто не могло ее сделать тогда другой. С момента ее издания ни Борис Ельцин, будучи председателем Верховного совета России, ни Руслан Хасбулатов, через полтора года занявший его место, ни разу (ни разу!) не вмешались в деятельность редакции. Ни прямо, ни косвенно. Решительные действия Ельцин предпринял в сентябре-октябре 1993 года,

но это особый случай. И об этом будет еще сказано.

Особенностью «Российской газеты», в отличие от других (независимо от того, «демократические» они были или «коммунистические»), явилось как раз то, что парламент состоял из многих различных по убеждениям депутатов. И мы вынуждены были считаться с многоликим, многоголовым существом. Газета предоставляла слово демократам, коммунистам, радикалам, националистам. Это могло оцениваться как беспринципность, как метание из стороны в сторону, как отсутствие маломальского профессионализма, но именно присутствие разных мнений, на мой взгляд, привело к беспрецедентному росту тиража. Не стану сравнивать «Российскую газету» с «Правдой», которая после ГКЧП подвергалась обструкции и давлению. Любимые и уважаемые властью и читателями «Известия», имевшие еще недавно 12-миллионный тираж, опустились до 700 тысяч. А «Российская газета» стала миллионщиком. Среди ежедневных газет она оказалась на третьем месте после «Труда» (в былые времена его тираж достигал 30 миллионов), и «Комсомольской правды» (с прежним тиражом 18 миллионов).

На мой взгляд, еще три обстоятельства сыграли роль в стремительном росте авторитета «Российской газеты». Первое: интерес россиян к новой власти, вступившей в клинч с центральной, и желание российских граждан поддержать «свою» власть. Второе: возможность узнать без купюр мнение оппозиции и действующей власти из уст их представите-

лей. Третье: политическая позиция редколлегии, сутью которой стала защита интересов (как мы их тогда понимали) Российской республики. Не буду утверждать, что эти позиции были тогда осознаны в полной мере. Скорее всего, они ощущались, угадывались.

Мытарства газеты

В декабре 1990 года «Российская газета» выходила тиражом 75 тысяч экземпляров. Весь тираж распространялся исключительно в розничной торговле; ни о какой подписке, которая прошла накануне, осенью 1989 года, не могло быть и речи. Помимо объективных причин, осложнявших доставку новой газеты читателям, были и причины, которые можно объяснить нежеланием центральных властей способствовать ее распространению. В регионах России у власти в основном оставались люди, с опаской и тревогой наблюдавшие за столкновением Горбачева и Ельцина, и последний воспринимался ими как политик, сеющий в стране раздор и смуту. Отсюда и отношение к газете. Были случаи, когда поступившие в регион пачки с «Российской» (например, в Татарстане) вывозили на свалку и сжигали. Вот что пишет в редакцию из Уфы Каримова: «Как большевики распространяли тайно «Искру», так теперь «Российскую газету» приходится распространять тайно от большевиков, особенно у нас, в Башкирии. Я уверена, придет время, и Башкирии придется краснеть перед Россией». С.П. Жиров, москвич: «Крайне возмущен закрытием второго канала Российского радио. Где наши депутаты? Почему они не принимают меры, почему идут на поводу у союзного правительства? Надо больше решительности!» («Российская газета», 21 февраля, 1991 год).

Возмущение действиями центральных властей особенно возросло, когда Центральное телевидение в течение месяца не допускало в эфир председателя Верховного совета России Бориса Ельцина. Понятно, что это не было решением руководства ЦТ, оно было, скажем мягко, подсказано из ЦК КПСС. В обстановке провозглашенной гласности недопущение пусть мятежного, но руководителя России выглядело как отказ от гласности, как профанация провозглашенных свобод. Видимо, это понял Горбачев, и в конце концов эфир Ельцину дали. «Российская газета» с небольшими сокращениями (чисто редакторского толка) напечатала стенограмму беседы журналиста с Ельциным, предварив её собственным анонсом. В нашу редакцию, пишет газета, поступают просьбы опубликовать выступление Бориса Николаевича Ельцина по Центральному телевидению. Это сделать довольно легко: мы располагаем стенограммой. Но, читая стенограмму, мы особенно отчетливо видим, как ведущий эту беседу С. Ломакин пытается помешать председателю Верховного совета России сказать то, ради чего руководитель Российской Федерации добивался эфира. Этот прием – попытаться направить разговор в другую сторону, сбить с темы, побольше поговорить самому, дабы поменьше времени оставить собеседнику, – настолько очевиден, настолько прямолинеен, что становится стыдно за коллегу. Надеемся, однако, что когда С. Ломакину поручат провести беседу с Михаилом Сергеевичем Горбачевым (Верховный совет СССР обратился к Горбачеву

с просьбой выступить на ЦТ с ответом), он не будет таким же бесцеремонным.

Что ж, свобода приятна, когда она принадлежит тебе, и ты пользуешься ею. Когда же ее берет на вооружение и противник, соперник, инакомыслящий, она превращается в тягостную муку.

Не скажу, что «Российская газета» к тому времени стала большой проблемой для центральной власти, однако не назовешь ее и приятной во всех отношениях «дамой». Она уже не просто кусалась; на ее страницах все чаще стали публиковаться аналитические материалы. Обильной стала почта. 21 февраля 1991 года газета печатает подборку писем «От народа, а не от имени народа». В анонсе написано: «В редакцию «РГ» приходят тысячи писем с поддержкой руководства ВС РСФСР и проводимой им политической линии. Мы намеренно не публиковали их, чтобы не обострять отношений с союзным центром, не разжигать конфронтацию между союзным центром и Российской Федерацией. Оставалась надежда, что союзное руководство найдет в себе силы и достаточно разума, чтобы пойти навстречу объективным потребностям республик. События последних недель показали, однако, что центр усугубляет конфронтацию с Российской Федерацией» (С.А. Петров, Ленинград). В опубликованных письмах из Москвы, Ленинграда, Якутии, Ивановской области красной линией проходит мысль: союзному правительству нельзя доверять суверенитет России, оно не считается с Рос-

сией, обещания свои не выполняет

И письма такой направленности шли валом. Газета не могла и не имела права их игнорировать, скрывать.

Однако явно ощущалась и непримиримость российского руководства, в том числе и там, где требовалось спокойное обсуждение. Чаще и задиристей оказывался Ельцин. Вот как он объяснил телезрителям в упомянутой беседе с тележурналистом причину «войны законов». Цитата: «Говорят, «войну законов» затеял Ельцин. Я не могу согласиться. Откуда взялась «война законов»? Все дело в том, что российский парламент более радикален, чем Верховный совет Союза, чем президент, издающий указы. И когда мы видим, что центр не дотягивает до уровня необходимого радикализма, мы вынуждены пересматривать союзные законы и указы президента».

Присущее Борису Николаевичу отсутствие логики. Мы, говорит он, «войну законов» не начинаем, мы просто выбрасываем союзные законы в корзину и пишем свои.

Ельцина обвиняли в том, что он собирается создать свою, российскую армию. Ельцин протестует. Цитата: «Я за то, чтобы армия была единой, в масштабе государства, чтобы она защищала Союз. Но реформа в армии необходима, и тут может быть несколько подходов. В том числе возможен и вариант российской национальной гвардии». Что желает и что предлагает Борис Ельцин: завести в каждой республике свою национальную гвардию по примеру Литвы? А затем в каж-

дой области и в каждом районе?

Да так оно и есть! Дело дошло и до этого анекдотичного случая...

Цитата. Меморандум хутора Репяховка

«Российская газета», 23 марта 1992 года.

«На сессии Ростовского облсовета депутаты выслушали «Меморандум хутора Репяховка». Сообщаем, говорится в меморандуме, что решением Большого круга казаков в хуторе Репяховка избрано атаманское правление, являющееся единственной законной формой власти. Отныне все граждане, организации и прочие юридические лица, и представители вышестоящих властей... обязаны согласовывать свою деятельность с атаманским правлением хутора... В связи с тем, что указанная территория свободна от советской власти, и реализация Указа Президента РФ «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» будет проводиться под юрисдикцией Черкасского округа Области Войска Донского.

Подпись: атаман хутора Репяховка Н. И. Болдырев. Для солидности подпись атамана заверил вышестоящий атаман – Черкасского округа области войска Донского – В. Лагутов».

Тиражи уходят в... тираж

К концу 1991 года тираж «Российской газеты» вырос в десять раз – до 750 тысяч экземпляров. Как и чем объяснить стремительный рост тиража «Российской», причем на фоне резкого его падения у других изданий? Коллеги тогда пожимали плечами: тебе же деньги везут составами. Но это не так. Запомнилось одно из совещаний у президента Ельцина, которое подготовил Полторанин. Присутствовали редакторы всех центральных московских газет. Речь шла о том, что бумага, типографские затраты, доставка газет почтой подорожали настолько, что приходится повышать подписную цену, а это, понятно, сказывается на тираже. Газеты катастрофически теряют читателей. Ельцин смотрит на Полторанина: что скажет министр? Министр, естественно, ссылается на министерство финансов. Тогда Ельцин нашел простое решение: повысил статус Полторанина до заместителя премьера. С расчетом на то, что Минфину отказывать вице-премьеру будет сложнее, чем обыкновенному министру. Но было принято и полезное для газет решение. Ельцин распорядился обеспечить финансовую помощь из казны, а чтобы никому не было обидно, посчитали ее так: на каждый экземпляр дадут один рубль. Мелочь, но все же...

Дня через три перелистываю одну из газет, любуюсь изящной карикатурой: аквариум, в аквариуме плавает рыбка с

именем «Российская газета», над аквариумом склонился Хасбулатов и с любовью, пожалуй, даже с обожанием кормит рыбку. Звоню редактору этой газеты, говорю: «Послушай, мы же три дня назад рядом с тобой сидели у Ельцина, который обещал нам по рублю на экземпляр. У тебя тираж два миллиона – тебе два миллиона рублей, у меня один миллион – мне один миллион рублей. Почему ты рядом с моим аквариумом не нарисовал свой, в два раза больше?». Главный редактор нехорошим словом обругал дежурного редактора. Кстати, сегодня работающую в «Российской газете».

Это почти анекдот, но в целом многие коллеги объясняли рост тиража «Российской» именно попечительством власти. Между тем, мы и поссорились-то с министром как раз по той причине, что он постоянно задерживал поступление средств «Российской газете». Доходило до того, что типографии в регионах грозили прекратить с нами отношения из-за задержек оплаты произведенной ими работы.

Хроника. Тиражи и имена

75.000 экземпляров – декабрь 1990 года.

300.000 – январь 1991 года.

335.000 – февраль 1991 года.

405.000 – март 1991 года. Впервые газета выходит на 8 полосах. Газета печатается в Москве, Краснодаре, Казани, Волгограде, Уфе, Свердловске, Новосибирске, Минеральных Водах.

510.000 – июль 1991 года. Добавляются пункты печати: Нижний Новгород, Иркутск, Ленинград, Омск, Саратов. Редакцию «осаждают» рекламодатели. 25 июля газета отдает под рекламу 4 полосы.

598.000 – сентябрь 1991 года. С 11 сентября, в соответствии с новым уставом редакции, газету подписывает редколлегия: Логунов, Иванов, Коваленко, Корольков, Леонтьева, Токарева, Тарасов, Ханхасаева, Чередниченко. Добавляются пункты печати: Челябинск, Оренбург, Чебоксары, Воронеж, Ульяновск.

600.000 – октябрь 1991 года. Газета печатается в 24 городах России.

750.000 – декабрь 1991 года. Тираж за год вырос в 10 раз.

Вот имена журналистов, которые начинали «Российскую газету». Они приходили в разное время, теперь я уже не смогу назвать точные даты их прихода, да это и не так важ-

но. Главное, они все стояли у ее истоков: Лев Макаревич, Юрий Кашин, Валентина Чернега, Павел Анохин, Наталья Гетьман, Сергей Нагаев, Сергей Панасенко, Рафаиль Рамазанов, Александр Капков, Андрей Абросимов, Александр Козлов, Виталий Бузуев, Игорь Сергутин, Сергей Оганесян, Алексей Раков, Владимир Быкадоров, Виталий Новиков, Екатерина Васильченко, Лена Пищикова, Евгений Панов, Борис Киселев, Владимир Служаков, Виктор Романчин, Ольга Бургалева, Юрий Петровский, Елена Токарева, Игорь Корольков, Галина Мыльникова, Юрий Буйда, Сергей Самохвалов, Александр Мозговой, Александр Алешкин, Александр Шарапов, Александр Гольц, Михаил Тарасов, Александр Линьков, Евгений Скукин, Ирина Муравьева, Лев Корнешов, Владимир Сорокин. Не могу не упомянуть Вольдемара Корешкова, моего помощника, пришедшего из аппарата президиума Верховного совета СССР. «Помогать» мне в чем-то нужды особой не было, поэтому опытный аппаратчик больше занимался журналисткой.

Уже в первой половине 1991 года сформировался и соборовский корпус, в основном, из сотрудников «Правды», «Известий», «Советской России», других центральных газет. Ю.Шаталов (Пермь), Н.Белый (Благовещенск), В.Огурцов (Ростов-на-Дону), Д.Усачев (Свердловск), И.Пырх (Орел), В.Гулий (Сахалин и Приморский край), В. Черкасов (Волгоград), Ю.Вахрин (Красноярск, а затем Ярославль), Ю.Куканов (Ленинград), М.Гусев (Астрахань), О.Злобин (Сара-

тов), А.Ермаков (Кемерово), Ю.Миролюбова (Московская область), Валентина Пьянкова (Псков), Николай Дудников (Ханты-Мансийск), Евгений Писарев (Тамбов). Были открыты собкоровские пункты в Молдавии (Людмила Феликсова), на Украине (Борис Свердлов), в Белоруссии (Алексей Ерошенко). Газета, помимо российских регионов, начала печататься в Симферополе, Донецке, Харькове, Одессе, Кишиневе, Алма-Ате, Тбилиси, Ереване.

Подозреваю, что кого-то не назвал. Прошу прощения. Четверть века!..

Нашей газете – год! 15 ноября 1991 года наконец состоялась презентация «Российской газеты». Не те времена были, поэтому было не до праздников. Ко дню рождения газета печатается уже в 32 городах России и ближнего зарубежья... Презентация состоялась в 17 часов в большом конференц-зале московской мэрии на Новом Арбате. Помимо приглашенных авторов и читателей газету поздравили народные депутаты СССР и РСФСР, союзные и республиканские министры, ученые, артисты, писатели, представители православной церкви.

Дуэль газет

Сегодня не принято газетам вступать в полемику между собой. Может быть, и правильно. «Российская газета» и в те годы соблюдала это негласное правило. Но до поры до времени. С первых номеров она подвергалась атаке со стороны «Советской России». Редкий номер этой газеты обходился без того, чтобы нас не пнули. Мы раза два твякнули в ответ, но затем я запретил отвечать. И сделали вид, что критика их никак нас не задевает. Хотя, конечно, руки чесались. Видимо, и в «Советской России» поняли нашу тактику и умерили пыл. Да, в общем-то, и наскоки не были принципиальными; так, по пустякам.

Неожиданный для нас выстрел прозвучал из «Комсомольской правды». Суть ее претензий будет ясна из нашего ответа коллегам. Привожу его еще и потому, что в корреспонденции содержатся факты, свидетельствующие о реальном положении газет, и в частности, «Российской».

Цитата. О страданиях юной «Комсомолки»

*«Российская газета», 25 февраля 1992 года.
Печатается с сокращениями.*

«Мы выписываем и читаем «Комсомольскую правду» со школьной скамьи. Многие из нас начинали в этой газете, получив там главные уроки журналистского мастерства и даже заработав там имя. И потому рыночная трагедия «Комсомолки» для нас, журналистов «Российской газеты», – это трагедия не конкурента, а близкого родственника. Однако юношеские рыдания, напечатанные в «КП» 20 февраля, полные упреков и подозрений в адрес новой российской прессы, мы воспринимаем как проявление слабости характера.

Наши коллеги позволили себе упрекнуть «РГ» за то, что ее якобы опекает правительство Гайдара, и золотой дождь то и дело льется на наши головы. Однако, обозвав нашу газету «новым российским официозом», они, пожалуй, не обидели нас, а поставили все на свои места. Мы и не отказываемся от этого ранга. Только правительство тут ни при чем. И скажем даже более откровенно: как раз нас-то правительство обвиняет в нелояльности. И, может, поэтому правительство отважилось в такие тяжелые для прессы времена на создание своей, правительственной газеты (которая заведомо будет бюд-

жетной), слив еженедельник «Российские вести» с рыжовско-павловским «Правительственным вестником».

Стоит остановиться на материальном положении, которым нас попрекают. Не хотелось жаловаться. Но прямо-таки вынуждают: заработная плата в нашей газете составляет лишь пятую часть средней зарплаты «Комсомольской правды». Например, ставка редактора отдела, члена редколлегии составляет на сегодняшний день менее 1000 рублей. И даже обещанная прибавка 0,9 ставки не внесет существенные коррективы в толщину свиной отбивной, которую не каждый день и не каждый из нас может себе позволить на обед в бывшей «правдинской» столовой. Тогда как от сотрудников «Комсомолки» мы знаем, что зарплата члена редколлегии составляла еще до нового года около семи тысяч, притом что все социальные нужды сотрудников оплачивались за счет редакции. К этому нужно добавить, что у молодежи имеется и сегодня более двух десятков валютных корпунктов за рубежом, куда практически каждый месяц вояжируют и сотрудники из аппарата «КП» – проветриться и помочь собкорам в написании заметок о жизни процветающего (несколько лет назад – «загнивающего») Запада. Эта шикарная жизнь и стоит вместе с бумагой 1 миллиард 200 миллионов рублей – именно такая дотация нужна сегодня «Комсомолке». Мы, кстати, пишем это не в упрек нашим коллегам. Просто хотим напомнить, что «Комсомолка» заложила основы своего благоденствия в те известные времена, когда она была хорошо

оплачиваемым официозом ЦК ВЛКСМ и, соответственно, ЦК КПСС. Это была молодежная партийная газета, служившая в системе партийной печати неким клапаном для выпуска критически накопившего пара. И садком для выращивания кадров, которые успешно перетекали в «Правду».

«Российская газета» началась год с небольшим назад и делалась буквально «на коленках». У нас до сих пор на отдел – по пишущей машинке, а о компьютерах, которыми забиты все кабинеты «Комсомолки», мы пока и не мечтаем. Недавно перебрались в здание с типографией и начали технологически нормальный процесс. До этого ежедневно путешествовали за тридевять земель в чужие типографии, где были пасынками. Что касается наших дотаций, то надобно разобраться и с этим. «Комсомолке», как известно, требуется полтора миллиарда. Наши запросы много скромнее: 276 миллионов. Сегодня нам выделено 117,7 миллиона. Из них на счет редакции к концу февраля собираются перевести 7,3 миллиона. Таким образом, мы можем себя поздравить с дефицитом в 159 миллионов. Наши рекламные деньги уходят на покрытие расходов, а не в карман сотрудников, как это делается во многих плачущих редакциях.

P.S. 21 февраля, в день выдачи зарплаты, сотрудники «РГ» ушли от кассы с пустыми карманами. На счете «РГ» нет ни одного рубля. Можешь проверить, уважаемая «Комсомолка». Да и вообще не мешало бы проверять все, прежде чем подписывать газету в печать. Гонорар просим перечис-

лить в фонд помощи «Комсомольской правде».

Журналисты «РГ»

Однако на фоне бедствия, постигшего печатные СМИ, одно издание если и не процветало, то жило не впроголодь. Речь идет об «Известиях», с которыми «Российская газета» вынужденно вступила в длительный диалог.

«Известия Советов народных депутатов СССР» (таково ее полное название) во времена Алексея Аджубея, зятя Никиты Хрущева, многое позволяли себе, считались газетой, наравне с «Литературной газетой», вольнолюбивой и смелой. Некоторые традиции газета сохранила и при других редакторах. Газетчики считали «Известия Советов народных депутатов СССР» самой лучшей газетой и поголовно мечтали работать в ней.

Драма газеты началась с поспешного и немотивированного отказа от учредителя – Президиума Верховного совета СССР в августе 1991 года (на следующий день после путча). Учредитель, по-моему, мало вмешивался в редакционную политику. Мне вспоминается визит членов межрегиональной депутатской группы к председателю Верховного совета СССР Анатолию Лукьянову. Среди главных визитеров – Андрея Сахарова, Юрия Афанасьева, Гавриила Попова – оказался и я. Мы требовали для группы своей газеты. Анатолий Иванович парировал: а зачем вам газета, и без нее только о вас все газеты и пишут? И это правда. А особенно много и

доброжелательно писали «Известия». Думаю, у редколлегии и коллектива газеты, в общем-то, не было веских оснований рвать с учредителем, причем так грубо и поспешно. Видимо, сильно захотелось полной независимости. И попали впросак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.